

Глава 16

На стыке весны и лета изматывающие возвратные заморозки наконец отступили.

С каждым днем становилось все теплее.

Охлажденный корень лотоса, фаршированный клейким рисом с османтусом, имел особый, ни на что не похожий вкус. Нежный, тягучий и освежающе-холодный — то ли изысканный десерт, то ли тающее мороженое.

Янь Но обожал такое лакомство, но понятия не имел, понравится ли оно Цинь Чжицзяню.

Готовя для видеоролика, он сделал блюдо с запасом: часть убрал в холодильник, а остальное оставил в кастрюле на подогреве. Какому бы варианту ни отдал предпочтение Цинь Чжицзянь, Янь Но смог бы подать к столу именно его.

Но затем привычный сценарий повторился.

Подперев подбородок ладонью, Янь Но просидел у окна с самых сумерек до глубокой ночи, а Цинь Чжицзянь так и не появился.

Телефон хранил молчание: ни сообщений, ни вызовов.

А ведь еще вчера вечером они договорились: если господина Циня задержит работа, тот хотя бы предупредит.

«Наверное, неотложные дела», — успокаивал себя Янь Но и не решался набрать номер первым.

Тьма за окном сгущалась. В глубине души Янь Но уже понимал, что совместного ужина не будет, но так и не взялся за телефон. В нем закипала глухая обида — то ли на самого себя за глупую надежду, то ли на Цинь Чжицзяня.

В десять семнадцать щелкнул замок.

Вернулся Цинь Чжицзянь.

Янь Но не бросился ему навстречу, как в прошлый раз. Он остался стоять у обеденного стола и, лишь когда муж подошел ближе, тихо спросил:

— Я же просил: если намечается деловая встреча, предупреждай заранее. Почему ты ничего не сказал?

Голос его звучал мягко, но затаенная досада придала фразе резкий, почти требовательный тон. Едва слова слетели с губ, Янь Но сам испугался своей дерзости.

— Все вышло внезапно. Меня перехватили прямо по дороге домой, — ответил Цинь Чжицзянь, от которого ощутимо веяло алкоголем.

Янь Но знал, насколько загружен господин Цинь, и понимал, что сердиться глупо, но накатившую обиду удержать не смог:

— Вы все равно должны были предупредить! Вы же знали, что я жду. Я еще вчера говорил, что приготавливаю лотос с османтусом, и вы согласились.

Не пообещай Цинь Чжицзянь прийти, не будь между ними уговора — Янь Но не расстроился бы так сильно.

Имя «Но» означало «обещание», и юноша трепетно относился к данному слову.

Характер же Цинь Чжицзяня полностью соответствовал его имени — «Чжицзянь», «простота и прямота». Он привык быть сам по себе, не терпел контроля, во всем следовал собственным планам и органически не переваривал, когда им пытались управлять.

За вечерним ужином его до отказа накачали выпивкой, вдобавок пришлось отбиваться от стаи хитрых дельцов. Голова раскалывалась от усталости и алкоголя, а тут еще встречные претензии с порога.

Когда он жил один, подобных проблем не возникало вовсе. Да и соглашаясь на совместное проживание ради лечения, он сразу предупредил Янь Но: никто ни во что не вмешивается.

И что это тогда сейчас?

Цинь Чжицзянь потер гудящие виски и произнес со всей прохладой, на какую был способен:

— Не нужно опекать меня. Я привык быть один, так что просто заботься о себе.

Янь Но вскинул голову и в изумлении воззрился на него.

Что он только что сказал?

Почти месяц под одной крышей, общие обеды и ужины, неторопливые разговоры обо всем на свете перед сном, ежедневные напоминания о стакане теплого молока и телефон, который господин Цинь заботливо уносил к себе в спальню...

Янь Но казалось, они стали гораздо ближе. Он даже набрался дерзости считать их друзьями.

Неужели все это было лишь его собственной иллюзией?

Впрочем, логично. С первого же дня господин Цинь прямо обозначил границы: никакой взаимной навязчивости. Все его проявления заботы диктовались лишь стремлением повысить эффективность лечения, а не дружеской теплотой. Это он, Янь Но, переступил дозволенную черту.

Опустив голову, юноша после долгой паузы тихо произнес:

— Я понял.

Цинь Чжицзянь отронил короткое «угу» и пошел вверх. Но уже на ступенях не удержался и бросил взгляд назад.

Янь Но так и стоял у стола, понурившись, бессознательно терзая пальцами край одежды и несчастно покусывая губу.

Шлейф его феромонов, потонувший в густой, почти осязаемой печали, заполнил гостиную. Цинь Чжицзянь нахмурился, ощутив нелепую, лишаящую покоя досаду.

Связавшее их запечатление позволяло альфе и омеге чутко улавливать состояния друг друга, а стопроцентная совместимость обостряла эти ощущения до предела.

Раздражение странным образом переплеталось с нахлынувшей жалостью.

Снизу донесся еле слышный тихий всхлип. Накрывшие юношу эмоции передались Цинь Чжицзяню без остатка, вынудив его ускорить шаг и укрыться в хозяйской спальне.

Сняв пиджак и ослабив галстук, он вдруг поймал себя на мысли, что совершенно не понимает, что делать дальше.

Он некоторое время заворуженно смотрел на брошенную на кровать одежду, пока расфокусированный взгляд не нарисовал в воздухе знакомый образ Янь Но.

Изогнутые полумесяцы бровей, лучистые глаза, вечно приподнятые уголки губ... Янь Но обладал невероятно утонченной внешностью, и Цинь Чжицзяню приходилось признать: красивее омеги он в жизни не встречал.

Но сейчас эти смеющиеся глаза покраснели от слез, а длинные загнутые реснички дрожали от

обиды.

Двадцать два года — а ведь совсем дитя: послушный, славный, не умеющий прятать чувств. Радует — от души, обижается — навзрыд.

Впрочем, умел бы он сдерживаться — остался бы тем самым наивным, защищенным от всех невзгод Янь Но?

Перед глазами то и дело вспыхивали разнообразные улыбки парня.

За время совместной жизни они пересекались не так уж часто, но каждый раз, во сколько бы Цинь Чжицзянь ни вернулся, Янь Но неизменно ждал его в гостиной.

То за уставленным кушаньями столом, то сладко зевая на диване.

Но где бы он ни находился, он всегда встречал его светлой улыбкой и тихим приветствием: «Вы вернулись!», словно ласковое маленькое солнце, дарящее тепло только ему.

Даже когда в прошлый раз Янь Но наготовил гору еды, а он не пришел, тот не пролил ни слезинки.

А сегодня... Сегодня он действительно перегнул палку.

Цинь Чжицзянь тяжело вздохнул: даже поднявшись на второй этаж, он все еще физически ощущал витающую в доме печаль.

Переодевшись в домашнее, Цинь Чжицзянь спустился обратно. Янь Но все так же стоял внизу, шмыгая носом; по щекам текли слезы, а хрупкие плечи вздрагивали от всхлипов.

«И ведь метет с утра до вечера всякую всячину, а в коня корм не идет, совсем тонкий», — промелькнуло в голове у Цинь Чжицзяня.

Смирившись с неизбежным, он сменил гнев на милость:

— Я толком не поужинал. Составишь мне компанию за поздним перекусом?

Янь Но замер, а потом мгновенно улыбнулся сквозь слезы и, утерев щеки, откликнулся:

— С удовольствием!

Вот уж у кого обиды испарялись так же стремительно, как вспыхивали.

Цинь Чжицзянь взял палочки и отправил в рот ломтик фаршированного лотоса.

Густой сладкий аромат османтуса, хрустящий, но мягкий корень и тягучий клейкий рис слились воедино, создавая безупречное, богатое нюансами послевкусие.

Он взял еще один кусочек:

— Очень вкусно.

Щеки Янь Но вспыхнули от удовольствия:

— Естественно! Вы только посмотрите, кто готовил! А в кастрюле еще теплый остался, ик... — От недавних слез дыхание сбилось, и у него вырвалась смущенная икота. Насмешив сам себя, юноша продолжил: — Пойду разогрею, горячим он еще вкуснее.

Цинь Чжицзяня распирало от выпитого алкоголя, есть он совершенно не хотел. Но чувство вины перед расстроившимся омегой взяло верх, и он с удовольствием съел кусочек разогретого лотоса.

Отложив палочки, Цинь Чжицзянь подытожил:

— Превосходно. Ничего вкуснее в жизни не пробовал.

Глаза Янь Но от радости превратились в узкие щелочки:

— В следующий раз обязательно приготовлю еще!

Хоть Цинь Чжицзянь и зазвал его за компанию, сам он съел лишь малую толику — зато Янь Но без труда уговорил обе тарелки.

Перед сном господин Цинь, как обычно, пришел проконтролировать порцию молока.

Привычку засиживаться допоздна Янь Но почти поборол, да и телефон отдавал теперь без былой трагедии в глазах.

Цинь Чжицзянь замер в дверях и выключил свет.

Затопивший спальню серебристый лунный свет очертил силуэты.

Немного помявшись, Цинь Чжицзянь внезапно произнес:

— Больше такого не повторится.

Янь Но удивленно моргнул, еще не вынырнув из дремы:

— Чего именно?

Цинь Чжицзянь лишь вздохнул в ответ.

В тишине комнаты, где, казалось, слышно было падение иголки, юноша уловил смысл его слов и моментально просиял:

— Договорились! А что бы вы хотели съесть завтра вечером?

— Те тушеные ребрышки и куриные крылышки в кока-коле выглядели аппетитно, — ответил Цинь Чжицзянь.

— Замечательно! Приготовлю их!

На следующее утро Гу Чэнъянь докладывал о делах в кабинете генерального директора:

— Господин Цинь, господин Чжан приглашает вас сегодня на ужин. Спрашивает, в какое время вам будет удобно?

— Отклони: у меня нет времени, — отрезал Цинь Чжицзянь, даже не задумавшись.

Деловые ужины всегда являлись неотъемлемой частью работы Цинь Чжицзяня.

Гу Чэнъянь, впервые видевший, чтобы шеф вот так просто отказывался от встречи, опешил:

— Господин Цинь, вы... — Он осекся, а про себя подумал: «Босс отказывается от работы? Наша компания банкротится?!»

— Закрой рот, — с невозмутимым видом произнес Цинь Чжицзянь. — Банкротство нам не грозит. А ужин не столь важен, чтобы тратить на него вечер.